

Праздники остались позади, но северный ветер по-прежнему резал лицо, словно остро отточенный клинок.

На большой дороге, ведущей в Цзяннань, карета из сандалового дерева неслась так быстро, что, казалось, вот-вот взлетит, а у запряженных в неё породистых скакунов из ноздрей вырывались густые клубы пара.

Салон был доверху забит всевозможными сундуками и узлами. Линь Янь, закутанный в толстую шубу из меха серебристой лисицы, почти наполовину высунулся из окна. Его блестящие глаза не отрывались от темнеющих горных силуэтов, стремительно приближавшихся впереди.

— Дядюшка Линь Фу! Быстрее! — Линь Янь спрятал голову обратно в салон, растирая замерзшие, покрасневшие руки, и закричал кучеру. В его голосе звенело нескрываемое нетерпение. — Мы должны добраться до академии до полудня!

Колеса прорезали оттаивающую грязь, и наконец, ровно в полдень, с протяжным скрипом карета остановилась перед знакомыми, внушающими благоговение воротами академии Цинъюнь. Снег на горной тропе почти растаял, обнажив влажные синие каменные плиты.

— Молодой господин, не торопитесь!

Линь Фу еще не успел договорить, а Линь Янь уже выскочил из кареты, словно выпущенный на волю кролик. Он был окутан холодом, даже воротник дорогой лисьей шубы распахнул, не желая, чтобы тот мешал, и под ней показался новый парчовый халат цвета глубокой синевы.

Он принялся командовать слугами, которые, пыхтя, выгружали сундуки, но сам ждать не стал. Схватив два самых легких, туго перевязанных промасленной бумагой свертка, он бросился вверх по склону!

— Корпус Чжу! Корпус Чжу! — бормотал он, перебирая ногами так быстро, словно у него к подошвам были привязаны огненные колеса. За два месяца разлуки в академии ничего не изменилось — всё та же прохладная тишина. Лишь его поспешные шаги гулко отдавались в крытых галереях, пугая воробьев, прятавшихся от холода под карнизами.

Наконец, перед ним возникла знакомая деревянная дверь с облупившейся краской. Линь Янь, запыхавшийся, с покрасневшими от здорового румянца щеками и замерзшим кончиком носа, сиял от счастья. Он даже не стал стучать, а просто толкнул дверь.

— Бах!

Дверь с глухим стуком ударилась о стену.

Внутри было чуть темнее, чем снаружи. Се Сяо сидел за столом, погруженный в чтение. Внезапный шум заставил его вздрогнуть — пальцы, сжимавшие книгу, едва заметно напряглись, и он с изумлением поднял голову.

Прежде чем его взгляд успел сфокусироваться, в комнату ворвался вихрь холодного воздуха, смешанного с едва уловимым ароматом роз и дорожной пылью. Кто-то, подобно маленькому пушечному ядру, с радостным криком бросился прямо на него!

— Брат Се! Я вернулся! Я так по тебе скучал!

Чистый, звонкий голос, полный искренней радости и привязанности, прозвучал в тишине учебной комнаты, словно удар грома.

Мощный толчок застал Се Сяо врасплох. Линь Янь всей тяжестью врезался в него, а его руки, словно лианы, намертво вцепились в стройную талию Се Сяо.

От неожиданного удара Се Сяо откинулся назад, и его спина с глухим стуком ударилась о жесткую спинку стула. Книга выпала из рук и с шлепком упала на каменный пол.

Теплое тело юноши, от которого веяло самой жизнью, навалилось на него. Руки, сжимавшие талию, давили с такой силой, что у Се Сяо на мгновение перехватило дыхание.

Запах Линь Яня — легкий аромат мыла, остатки сладости розовых пирожных и едва уловимый холод столичного ветра — властно окутал его.

В долю секунды мышцы Се Сяо напряглись. Он словно раскаленное железо, брошенное в ледяную воду, застыл от кончиков пальцев до самых костей.

Кровь прилила к груди и животу, где его так крепко обнимали, и стало невыносимо жарко. Руки Се Сяо, опущенные вдоль тела, сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

Он медленно, с трудом опустил веки.

Перед его грудью прижалась чья-то пушистая черная макушка. Линь Янь прильнул щекой к его груди, и Се Сяо чувствовал каждое его быстрое сердцебиение, каждый теплый выдох, согревающий кожу сквозь тонкую ткань халата.

Эта сила, это бесхитростное, обжигающее объятие стало невидимой сетью, приковавшей его к месту.

За окном с ветки сорвался последний комок снега и с тихим звуком упал в сухую траву.

Мертвая тишина.

Оглушительная тишина заполнила комнату. Се Сяо отчетливо слышал, как его собственное сердце колотится о ребра с бешеной скоростью, отдаваясь гулом в ушах. В области талии, где его сжимали руки юноши, возникло странное, сильное ощущение, которое волной пробежало по позвоночнику прямо к затылку.

Время словно остановилось.

Наконец, Се Сяо, очень медленно и с огромным трудом, разжал кулаки.

Его напряженная, как сталь, спина под тяжестью знакомого веса едва заметно расслабилась. Он не обнял его в ответ, но и не оттолкнул.

Он просто застыл в этой позе, позволив пушистой голове лежать у себя на груди, ощущая живое, горячее тепло. Словно каменная статуя, принявшая в свои объятия неожиданное, пылкое возвращение домой.

Линь Янь, вдоволь наобнимавшись, с довольной улыбкой разжал руки и отступил на полшага. Его глаза сияли, словно полумесяцы, и он, казалось, даже не заметил, что только что едва не задушил человека.

Не обращая внимания на то, что Се Сяо все еще сидит в оцепенении, а его лицо выглядит бледным, Линь Янь переключил внимание на свои свертки.

— Брат Се, смотри! Я привез тебе кучу подарков! — он с гордостью выложил на стол два тяжелых свертка, и те с глухим стуком опустились на дерево.

По комнате мгновенно разлился густой аромат.

— Вот, это ореховые лепешки из Гуй Сянчжай в столице! Они такие рассыпчатые, просто тают во рту! — он взял золотистую лепешку и буквально вложил её в руку Се Сяо.

— А это вяленое мясо из Жуй Фусян! Сладковато-соленое, очень вкусно жевать! — он пододвинул еще один сверток.

— И вот это! Секретный рецепт моей сестры, пирожные с финиковой пастой! Таких нигде не купишь! Мягкие, сладкие, совсем не приторные!

— О, чуть не забыл! — Линь Янь, словно фокусник, достал из-за пазухи расшитый мешочек и высыпал на стол несколько блестящих темно-фиолетовых ягод. — Изюм из Западного края! Очень сладкий, я специально для тебя приберег!

Маленький стол мгновенно оказался завален изысканными лакомствами. Линь Янь, как белка, делающая запасы на зиму, смотрел на Се Сяо блестящими глазами, ожидая похвалы.

Се Сяо сидел с руками, полными угощений. Ореховые лепешки, мясо, пирожные... Он чувствовал их тепло и текстуру.

Он посмотрел на эту гору подарков, а затем на покрасневшее лицо Линь Яня, которое так и светилося вопросом: Ну как, я молодец?

Аромат еды и свежее дыхание юноши разогнали пустоту и холод, царившие здесь последние два месяца.

— ...Благодарю, — голос Се Сяо прозвучал низко и хрипло, словно он еще не до конца отошел от объятий.

Он посмотрел в горящие глаза Линь Яня и, коротко кивнув, начал аккуратно складывать угощения в угол стола. Его движения были медленными, а когда пальцы коснулись еще теплого пирожного, он на мгновение замер.

Увидев, что Се Сяо принял подарки, Линь Янь просиял еще сильнее. Он оглядел комнату, затем снова перевел взгляд на Се Сяо и, словно открыв Америку, подскочил к нему ближе. Он приподнялся на носочки и начал прикладывать ладонь к своей голове и плечу Се Сяо.

— Брат Се, смотри!

Он старался вытянуться как можно выше, кончик его носа почти касался подбородка Се Сяо.

— Я подрос, правда? Дома на каникулах ел много мяса, мама говорит, я вытянулся! Смотри, почти до плеча догнал!

Теплое дыхание, пахнущее финиками, снова коснулось шеи Се Сяо. Линь Янь, старательно тянущийся вверх, был похож на маленькую обезьянку, пытающуюся взобраться на большое дерево. Это было так по-детски упрямо и искренне.

Се Сяо пришлось слегка наклонить голову. Он смотрел на близкое, слегка надутое от старания лицо и сияющие глаза, жаждущие признания.

Тонкий пушок на лбу юноши был отчетливо виден в солнечном свете, пробивающемся сквозь

окно. Эта неловкая попытка доказать свою «взрослость» была такой... живой.

Глубоко в темных глазах Се Сяо промелькнула едва уловимая рябь. Его тонкие губы на мгновение дрогнули, и в уголках промелькнула крошечная улыбка — такая мимолетная, что её можно было принять за игру света.

— М-м, — тихо отозвался он.

Однако его тело едва заметно отклонилось назад, увеличивая дистанцию.

Пятнадцатый день первого месяца. Праздник фонарей.

Городок у подножия горы был оживленнее, чем в сам Новый год. Едва стемнело, как загорелись тысячи фонарей, превратив главную улицу в сверкающую реку.

Грохотали барабаны, танцевали драконы, толпы людей столпились у лавок с загадками. Воздух был пропитан ароматами сахарных фигурок, жареных лепешек и дымом фейерверков.

Линь Янь, держа Се Сяо за рукав, словно юркая рыбка, пробирался сквозь толпу. Ему было интересно всё: он тыкал пальцем в танцующего дракона, а через минуту уже замирал у старика, выдувающего сахарные фигурки.

— Брат Се, смотри! Загадка! — Линь Янь остановился у лавки с фонарями и громко прочитал надпись на одном из них: — Зеленый с одной стороны, красный с другой, любит дождь, боится ветра. Что это за иероглиф?

Се Сяо, которого тащили за собой, был вынужден остановиться. Его взгляд скользнул по загадке. Скрытая в рукаве рука едва заметно шевельнулась — невидимый интерфейс мгновенно выдал ответ из базы данных.

— Осень, — негромко, но отчетливо произнес Се Сяо, прорезая шум толпы.

— Осень? — Линь Янь моргнул, и его осенило. — Точно! Ростки зеленые, огонь красный! Ростки любят дождь, огонь боится ветра! Верно! — он радостно закричал хозяину лавки: — Господин, ответ — осень!

Хозяин улыбнулся и протянул ему бумажный фонарик в форме кролика. Ушки были длинными, а глаза сделаны из красной бумаги — выглядел он совсем как живой.

— Вау! Брат Се, ты такой умный!

Линь Янь принял фонарик, радуясь как ребенок. Поиграв немного, он решил, что фонарик ему мешает.

Он хитро прищурился и сунул кролика в руки Се Сяо:

— Брат Се, поддержи, пожалуйста! Я пойду посмотрю на жареные лепешки!

Не дожидаясь ответа, он нырнул в толпу.

Се Сяо остался стоять на месте, ошеломленно глядя на теплый, пахнущий дешевой бумагой и свечным воском фонарик в виде кролика.

Он застыл. Одной рукой он машинально держал веревочку, а вторая беспомощно зависла в воздухе.

Этот нелепый розовый кролик в руках Се Сяо, одетого в строгий темно-синий халат, выглядел до невозможности странно и... вызывающе.

Вокруг начали перешептываться, поглядывая на них с любопытством и добрыми усмешками.

Уши Се Сяо под светом фонарей предательски покраснели. Он смотрел на глупого кролика, на свои нахмуренные брови и плотно сжатые губы.

Он хотел было оставить эту «горячую картофелину» где-нибудь, но, увидев, как Линь Янь машет ему из толпы, лишь молча, с каменным лицом и неловко вытянутой рукой, пошел следом за прыгающей впереди фигуркой.

<http://bllate.org/book/19996/1971895>